

ЛИТОВСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ ВѢДОМОСТИ

Годъ двадцатый.

ВЫХОДЯТЪ
ПО
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

6-го Юня 1882 года.

Подписная цѣна съ пересылкою за годъ 5 руб.
Отдѣльные №№ Литов. Еп. Вѣд. за прошедшіе
годы и за настоящій 1882 г. по 10 коп. (марками).
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редак-
ціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 23.

При печатаніи объявленій, за каждую строку
или мѣсто строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15 „
за три раза 20 „

Дѣйствія Правительства.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Въ 1-й день сего юня, Любезнѣйшая Супруга Наша, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Дочери, нареченной Ольгою.

Такое Императорскаго Дома Нашего приращеніе пріемля новымъ ознаменованіемъ благодати Божіей на Насъ и Имперію Нашу изливаемой, возбѣщаемъ о семъ радостномъ событіи вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ. Мы увѣрены, что всѣ они, вмѣстѣ съ Нами, вознесутъ ко Всевышнему теплыя молитвы о благополучномъ возрастѣ и преуспѣяніи Новорожденной.

Во всѣхъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, Повелѣваемъ писать и именовать Сію Любезнѣйшую Намъ Дочь, Великую Княжну, Ея Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Александріи, въ 1-й день юня, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ второе, Царствованія же Нашего во второе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

— Въ 8 часовъ утра, 1-го сего юня, Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, послѣ сильныхъ страданій нервнаго характера, изволила благополучно разрѣшиться отъ бремени младенцемъ женскаго пола. Высоконоворожденная Великая Княжна вполнѣ хорошо развита и наречена Ольгою. Ея Величество чувствуетъ утомленіе больше обыкновеннаго.

Лейбъ-акушеръ А. Красовскій.

Александрія, 1-го юня 1882 г.

ИМЕННЫЕ ВЫСОЧАЙШІЕ УКАЗЫ.

Правительствующему Сенату.

I. Министра внутреннихъ дѣлъ, члена государственнаго совѣта, Нашего генераль-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи, графа *Игнатъева*—Всемилоостивѣйше увольняемъ, согласно его прошенію, по болѣзни, отъ занимаемой имъ должности, съ оставленіемъ членомъ государственнаго совѣта и въ званіи генераль-адъютанта.

II. Президенту Императорской академіи наукъ, члену государственнаго совѣта, сенатору, дѣйствительному тайному совѣтнику, графу *Толстому*—Всемилоостивѣйше повелѣваемъ быть министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ оставленіемъ президентомъ академіи, членомъ государственнаго совѣта и въ званіи сенатора.

На подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Петергофѣ. 30-го мая 1882 года.

Мѣстные Распоряженія.

— О лишеніи сана. Указомъ Св. Синода, отъ 8 января сего 1882 года, утверждено постановленіе епарх. начальства о лишеніи запрещеннаго діакона *Ѳеодора Лавриновича* діаконскаго сана.

— 29 мая, на вакантное мѣсто настоятеля Здитовской церкви, Слонимскаго уѣзда, *перемѣщенъ*, согласно прошенію, настоятель Порозовской церкви, Волковыскаго уѣзда, *Юліанъ Ширинскій*.

Мѣстные Извѣстія.

— **Вакансіи. Настоятеля:** въ с. *Мокранахъ*—Брестскаго уѣзда, въ с. *Камень-Спаскъ*—Вилейскаго уѣзда, въ с. *Бѣлавихахъ* и *Порозовъ*—Волковыскаго уѣзда и въ с. *Новоельной*—Слонимскаго уѣзда. **Помощника настоятеля:** въ с. *Спяль*—Свенцянскаго уѣзда, въ с. *Смолянницъ*—Рудникскаго прихода, Пружанскаго уѣзда и въ с. *Черессахъ*—Дисненскаго уѣзда. **Псаломщика:** въ с. *Касутъ*—Вилейскаго уѣзда, въ г. *Тельшахъ*, въ с. *Деревнъ*—Слонимскаго уѣзда, въ с. *Зельзинъ*—Волковыскаго уѣзда и при Брестскомъ крѣпостномъ соборѣ, въ *Ковнѣ*—при соборѣ и с. *Дубнѣ*—Гродненскаго уѣзда.

— Некрологъ. 15 мая, скончалась пресфорія Узміонской церкви, Дисненскаго уѣзда, вдова послѣ діакона, *Александра Ант. Крониковскія*.

Неофициальный Отдѣлъ.

Хиротонія въ санъ епископа Ковенскаго.

Въ воскресенье, 30 мая, съ особеннымъ торжествомъ совершено было престольное празднованіе памяти преподобнаго Исаакія Далматскаго въ кафедральномъ Исаакіевскомъ соборѣ. Великолѣбію и пышности служенія содѣйствовало еще то, что къ храмовому празднику присоединено было и торжество посвященія новаго архіерея—доктора богословія архимандрита московскаго Спасо-Андріевскаго монастыря, Сергія. Когда началась литургія, на архіерейскомъ амвонѣ стояли восемь іерарховъ православной церкви: здѣшній высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, архіепископы Леонтій—варшавскій, Палладій—рязанскій, Никодимъ—греческій архіепископъ и епископы Нафанаилъ—псковскій, Гермогенъ—симферопольскій и Арсеній—ладожскій, — 6 архимандритовъ и человекъ до 40 протоіереевъ и священниковъ двумя золотыми лентами протянулись отъ архіерейскаго амвона къ алтарю. Послѣ обычной присяги, принятой нареченнымъ во епископы, и многолѣтня послѣдовала литургія, которую совершалъ высокопреосвященный митрополитъ въ сослуженіи съ греческимъ архіепископомъ Никодимомъ (авворскимъ и канны галлилейской) и новопосвященнымъ епископомъ Сергіемъ—ковенскимъ. Замѣчательно хорошіе исаакіевскіе пѣвчіе для праздника всю обѣдню исполняли потную, вмѣсто проповѣди—былъ ими сгѣтъ двух-хорный концертъ: „Кто Богъ ведій, яко Богъ нашъ“. На молебень оицъ вышли всѣ архіереи. Несмотря на дурную погоду и обширность храма, въ церкви была тѣснота. По окончаніи молебна, архіереи въ мантияхъ снова вышли на амвонъ и здѣсь митрополитъ, среди сонма епископовъ, обратился къ новому архіерею съ наставительною рѣчью, вручилъ ему посохъ—знакъ его пастырской власти, послѣ чего новый архіерей благословилъ народъ на всѣ стороны.

Бывшій настоятель московскаго второкласснаго монастыря, докторъ богословскихъ наукъ, архимандритъ Сергій, нынѣ епископъ ковенскій, викарій литовской епархіи, еще въ бытность свою инспекторомъ московской дух. семинаріи, а затѣмъ ректоромъ и профессоромъ виванской семинаріи, преподаваніемъ въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ экзегиза священнаго писанія, основнаго и догматическаго богословія пріобрѣлъ себѣ, какъ самостоятельный богословъ, широкую извѣстность. Его лекціи по этимъ предметамъ, къ сожалѣнію, не напечатанныя, живо интересуютъ лицъ, слѣдящихъ за успѣхами этихъ наукъ, и обращаются въ рукописяхъ. Епископъ Сергій, какъ богословъ, стоитъ на высотѣ современнаго развитія богословской науки. Онъ отличный знатокъ иностранной богословской литературы и человекъ широкаго образованія. Ученое имя новопосвященный архипастырь создалъ себѣ капитальными печатными трудами по разработкѣ предмета славянскаго агіологіи.

Практическія задачи дѣятельности сельскаго православнаго священника *).

(Продолженіе).

Вопросъ о выборѣ такого или иного прихода есть одинъ изъ важныхъ вопросовъ въ дѣятельности священника и дол-

женъ быть обсуждаемъ всесторонне, но еще болѣе важности представляютъ первые шаги его въ избранномъ приходѣ, направленные къ основательному ознакомленію съ паствой. Поступая на приходъ, священникъ имѣлъ общее представленіе о состояніи и направленіи своей паствы; но этого знанія далеко недостаточно для успѣшной дѣятельности въ приходѣ. Чтобы стремленія священника были плодотворны, необходимо знать, по возможности, всесторонне жизнь каждаго прихожанина въ отдѣльности. Это дѣло не должно совершаться зря, безъ опредѣленнаго плана, иначе священникъ едва въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ успѣетъ узнать только половину своихъ прихожанъ. Между тѣмъ его служеніе такого рода, что требуетъ въ самомъ началѣ близкаго знакомства съ каждой семьей. Къ сожалѣнію, у насъ только въ рѣдкихъ случаяхъ практикуется одинъ изъ самыхъ прекрасныхъ и цѣлесообразныхъ способовъ сближенія съ паствой. Мы говоримъ о регулярномъ, ежедневномъ посѣщеніи извѣстной части своего прихода, что вошло въ норму у священниковъ другихъ вѣроисповѣданій. Прекрасный образецъ въ этомъ отношеніи представляютъ англійскіе пасторы, у которыхъ этотъ обычай вошелъ въ обязательный для всѣхъ законъ. Обыкновенно каждый англійскій пастырь старается по крайней мѣрѣ два часа въ день употреблять на то, чтобы обойти извѣстную часть своего прихода. Во время посѣщенія, на которое посвящается время послѣ обѣдни, онъ имѣетъ возможность узнать о всѣхъ выдающихся событіяхъ дня, о радостныхъ или печальныхъ событіяхъ каждаго дома, о нуждахъ и достаткахъ прихожанъ и т. д. Очевидно, что при такихъ условіяхъ священникъ можетъ оказывать весьма сильное вліяніе на своихъ прихожанъ. Ни одно событіе въ приходѣ не пройдетъ безслѣдно, не останется незамѣченнымъ священникомъ и вызоветъ съ его стороны извѣстныя мѣры. Оттого то англійскій пастырь имѣетъ весьма сильное вліяніе на свою паству и пользуется завиднымъ уваженіемъ. У насъ, какъ мы сказали выше, почему то не вошло въ обычай не только регулярно, но даже изрѣдка посѣщать прихожанъ. Исключеніе представляютъ только особенные случаи, когда присутствіе священника въ домѣ необходимо. Но не говоря уже о томъ, что эти случаи весьма рѣдки, такъ что въ иномъ домѣ священнику едва придется побывать одинъ разъ въ году, даже въ это рѣдкое посѣщеніе священникъ не имѣетъ возможности узнать что либо, касающееся извѣстнаго дома, такъ какъ его вниманіе въ то время поглощено, отклонено дѣлами другого рода. Въ виду этого весьма необходимо, чтобы священникъ, не ограничиваясь особенными побужденіями, только изъ любви къ своему святому дѣлу употреблялъ возможно болѣе времени на посѣщеніе своего прихода, съ цѣлію близко ознакомиться съ каждымъ домомъ. Противъ этой мѣры возможны два возраженія. Во первыхъ, говорятъ, что священнику, при его многосложныхъ занятіяхъ, едва хватаетъ времени на требованія исправленія и другія существенныя обязанности по приходу, такъ что о какихъ либо сверхдолжныхъ затѣяхъ и помышлять нечего. Если же при всемъ этомъ и остается свободное время, то оно, по необходимости, должно быть употреблено на борьбу съ нуждой, лишениями, матеріальными недостатками. Во вторыхъ, могутъ возражать, что въ настоящее время даже на рѣдкія посѣщенія священника прихожане смотрятъ не совсемъ благосклонно, иные даже запираютъ двери и сказываются отсутствующими. Это то и побуждаетъ священника показываться въ домѣ прихожанина какъ можно рѣже, чтобы неудовольствіе не развивалось въ болѣе мѣрѣ. Мы

*) См. №№ 19, 21, 22.

не отрицаемъ важнаго значенія этихъ отговорокъ. Но тѣмъ не менѣе считаемъ ихъ только отговорками, значеніе которыхъ легко можетъ быть устранено. Что касается недостатка времени, то это преувеличеніе, не всегда согласное съ дѣйствительностію. Правда, бываютъ періоды, когда дѣйствительно священнику работы по горло, работы, имѣющей непосредственное отношеніе къ его священническому служенію. Такой именно періодъ представляетъ четыредесятница, когда священникъ, при другихъ обязанностяхъ, долженъ исповѣдывать нѣсколько сотенъ, а иногда—тысячъ прихожанъ. Почти такое же время всенедельныхъ хлопотъ, неутомимой возни представляетъ горячій періодъ полевыхъ работъ, когда священникъ, какъ хозяинъ и земледѣлецъ, неминуемо долженъ погрузиться въ массу хозяйственныхъ занятій и забыть даже о своихъ формальныхъ обязанностяхъ. Если исключить эти періоды, то въ остальное время священникъ, безъ всякаго труда, безъ особенныхъ усилій, легко можетъ употреблять ежедневно часа два на посѣщеніе извѣстной части прихода. Въ это время только одни требоисправленія поглощаютъ нѣкоторую часть свободы священника; но они не бываютъ ежедневно. Гораздо чаще случаются дни, что священникъ бываетъ совершенно свободенъ отъ занятій по приходу. Въ это именно время у него есть полная возможность употреблять по крайней мѣрѣ часа два на это святое дѣло. А несомнѣнно, что достаточно разъ начать, употребить нѣкоторое усиліе, чтобы преодолѣть нашу русскую любовь къ ординарности, и у священника разовьется охота къ болѣе частому посѣщенію прихожанъ. И въ самомъ дѣлѣ, какая прекрасная перспектива, какое величайшее наслажденіе для священника сулитъ это занятіе! При такихъ посѣщеніяхъ онъ дѣлается въ домѣ, не какъ казенный человѣкъ, не начальникомъ, а истиннымъ пастыремъ своего стада, сердцу котораго дороги радости и успѣхи каждаго члена семьи, который способенъ сочувствовать бѣдѣ и несчастью единаго отъ малыхъ. Кромѣ глубокаго знанія всѣхъ сокровенныхъ изгибовъ души каждаго изъ своихъ прихожанъ, что весьма полезно и даже необходимо для успѣшной дѣятельности священника, онъ несомнѣнно приобретаетъ выѣстъ съ глубокимъ уваженіемъ и сильное вліяніе на своихъ прихожанъ. Его голосъ, какъ голосъ пророка, всякій будетъ принимать съ полною вѣрою и готовностію. И будетъ едино стадо и единъ пастырь. Это дѣйствительно мы видимъ у англійскихъ пасторовъ, безъ участія которыхъ не рѣшается ни одно дѣло—общественное или семейное. Что же касается нашего духовенства, то съ болью въ сердцѣ приходится припоминать, что оно составляетъ предметъ недовольства многихъ, если не сказать больше. Другое возраженіе, касательно недовѣрчиваго отношенія пасомыхъ къ своимъ пастырямъ, послѣ всего сказаннаго, само собою теряетъ всякое значеніе. Нѣтъ ничего удивительнаго, что народъ тяготится посѣщеніями священника, поелику до настоящаго времени этотъ служитель правды и добра являлся въ домѣ прихожанина или послѣ „побора“ или за поборами. Въ народѣ живетъ и держится цѣлая масса пословицъ, поговорокъ и т. п., отчетливо характеризующихъ эти отношенія.— „Поновскіе глаза завидуци, поновскія руки загребущи“, „попъ дереть съ живаго и съ мертваго“, „попъ, что ни говорить, а все въ карманъ глядитъ“ и т. д. до безконечности. Всѣ эти поговорки достаточно рѣшаютъ вопросъ, отчего нашъ народъ чуждается своего пастыря и не желаетъ его частыхъ посѣщеній. Очевидно взглядъ народа на священника совершенно измѣнился бы, еслибы онъ видѣлъ его чаще въ своихъ домахъ безъ

всякихъ своекорыстныхъ цѣлей и видовъ. Намъ скажутъ, что, при настоящей необезищенности духовенства, объ этомъ и помышлять нечего, такъ какъ поборы, выручаемые во время посѣщенія прихожанъ, единственное средство къ существованію священника. Къ сожалѣнію, это покажется горькая правда; но изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что священникъ, вынужденный питаться поборами, обязанъ посѣщать прихожанъ только ради поборовъ. Напротивъ, именно влѣдствіе этого обстоятельства онъ долженъ возможно чаще посѣщать прихожанъ только съ единственною цѣлью спасенія душъ, чтобы самая мысль о постоянномъ засматриваніи пона въ карманъ изгладилась изъ памяти народа.

Другимъ средствомъ узнать душу народа, его вѣрованія, взгляды, обычаи, суевѣрія, предрасудки является школа. До недавняго времени за школою признавали только воспитательное значеніе и дальше этого взгляда не шли. Только въ послѣднее время нѣкоторыми высказывается убѣжденіе, что школа можетъ служить значительнымъ подспорьемъ священнику при ознакомленіи его съ приходомъ. „Мы убѣдились, говоритъ одинъ священникъ въ Кишиневскихъ еп. вѣдомостяхъ, что народная школа въ дѣятельности нашей, какъ учителей народа, не есть нѣчто постороннее, но даже нѣчто нераздѣльное со званіемъ нашимъ. Эти маленькія дѣти въ школѣ, съ которыми намъ такъ легко и удобно побесѣдовать, многое и многое открываютъ намъ изъ круговорота жизни родителей такое, что намъ, при всей пастырской бдительности, не такъ легко уловить и примѣтить въ нихъ. Естественно послѣ этого намъ священникамъ прибѣгать къ различнымъ мѣрамъ, чтобы побольше дѣтей приохотить къ школѣ и приучить ихъ къ правильному посѣщенію оной“. Дѣйствительно, при настоящемъ недовѣрчіи прихожанъ къ своему пастырю, имѣющему свое основаніе въ исторіи народной жизни, священнику вначалѣ довольно трудно бываетъ добиться отъ взрослыхъ правды. Русскій человѣкъ даже съ своимъ пастыремъ бываетъ „себѣ на умѣ“ и какъ будто боится предъ нимъ вывернуть свою душу. Въ особенности это бываетъ замѣтно въ отношеніяхъ къ новопоступившему священнику. Много нужно потратить времени, чтобы изгладить это недовѣріе и водворить безхитростныя, правдивыя отношенія. Между тѣмъ священнику необходимо узнать почву, прежде чѣмъ бросать въ нее сѣмена правды и любви. Живою и многосодержательною книгой служить для него въ этомъ случаѣ довѣрчивыя и безхитростныя дѣтскія сердца. Не требуется особенныхъ усилій, чтобы возбудить довѣріе въ дитяти. Дитя сразу отдается ласкѣ и любви и тотчасъ же раскрываетъ свою душу. А смышленъ священникъ постигнутъ душу дитяти, и вся жизнь семьи—умственная и нравственная—будетъ ясна для него, какъ на ладони. Здѣсь кетати замѣтить, что совершенно напрасно многіе игнорируютъ этими полезными результатами обращенія съ дѣтьми, такъ какъ фактъ несомнѣнный, что въ дѣтской душѣ, какъ въ зеркалѣ, отображается весь умственный и нравственный складъ родителей, положительныя и отрицательныя стороны народной жизни,

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ упомянуть, какъ долженъ относиться священникъ къ тѣмъ, якобы представлятелямъ прихожанъ, которые выступаютъ предъ нимъ при его появленіи въ приходѣ. Первые лица, которыя представить предъ священникомъ тотчасъ по вступленіи имъ въ должность, будутъ принадлежать къ категоріи сельскихъ чиновниковъ. Церковный староста, сторожъ и ключникъ постараются окружить священника всѣми пощеченіями, будутъ

угождать его желаніямъ и обнаруживать особенную любезность. Но не поддавайтесь этому первому очарованію. Не знаемъ, какъ вездѣ и всегда; но сколько намъ ни приходилось видѣть, эти лица обыкновенно состоятъ въ числѣ прихлѣбателей поповскихъ и стараются батюшку забрать въ свои руки. Особенно это нужно сказать о такихъ приходахъ, въ которыхъ старшій священникъ водилъ запросто съ своими сослуживцами хлѣбъ-соль и причислялъ ихъ къ штату своихъ совѣтчиковъ. Находясь въ постоянной близости къ священнику, они самонадѣянно приписываютъ себѣ нѣкоторую долю участія въ служеніи священника, обращаются съ прочими смертными какъ власть имѣющіе, и даже не прочь поучить и поруководствовать самаго молодого батюшку, сообщить ему часть своего житейскаго опыта. Слѣдуетъ держать себя подале, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, отъ такихъ непрощенныхъ руководителей.

Итакъ, прежде чѣмъ приняться за дѣло служенія, священникъ долженъ узнать свою паству, ея взгляды, вѣрованія, стремленія, интересы. Какъ опытный педагогъ и учитель, принимаясь за учебно-воспитательное дѣло, старается предварительно опредѣлить уровень умственнаго и нравственнаго развитія своихъ питомцевъ и только послѣ этого принимается за воспитаніе и обученіе ихъ, такъ и священникъ, желающій принести посильную пользу своей паствѣ, долженъ начать свою пастырскую просвѣтительную дѣятельность съ изученія народной жизни. Послѣ изученія этой жизни сами собой опредѣляются дальнѣйшія задачи его дѣятельности. Но вопросъ въ томъ: какія стороны народной жизни должны привлечь главное вниманіе священника—положительныя или отрицательныя? Долженъ ли онъ интересоваться больше добрыми качествами прихожанъ своихъ, или же напротивъ—обращать больше вниманія на ихъ суевѣрія, предрасудки, пороки? Въ печати существуютъ два противоположныя рѣшенія этого вопроса. Одни признаютъ, что прежде всего нужно уничтожить тѣ уродливыя и лишніе наросты, какими такъ обильна жизнь народа, а потомъ уже приниматься за положительное ученіе, за сообщеніе народу истинъ вѣры и нравственности. Сперва нужно изобличить заблужденіе, а потомъ насаждать вѣру. При такомъ взглядѣ болѣе важнымъ является знаніе священникомъ недостатковъ народа. Другіе—наоборотъ—настаиваютъ на необходимости положительнаго ученія. Когда человекъ познаетъ истину, тогда само собою исчезаетъ для него заблужденіе; когда онъ усвоитъ ученіе вѣры, тогда безъ труда отбрасываетъ суевѣріе. Поэтому, вниманіе церковно-народныхъ учителей должно быть прежде всего и болѣе всего сосредоточено на раскрытіи положительнаго ученія вѣры, а затѣмъ всякіе предрасудки и суевѣрія будутъ отпадать сами собою *). Соотвѣтственно такому взгляду, священникъ, минуя изученіе недостатковъ народа и борьбу съ ними, долженъ имѣть въ виду добрыя навыки народа и развивать ихъ. Мы вѣдливо подробно разсмотримъ несостоятельность послѣдняго мнѣнія, а теперь замѣтимъ, что оно напоминаетъ притчу о хозяинѣ, построившемъ свой домъ на пескѣ. „И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ; и онъ упалъ, и было паденіе его великое“. Тоже самое случается ежедневно съ нашимъ народомъ, по отношенію къ которому прилагаютъ узко-схоластическую мѣрку положительнаго обученія, надѣясь, что познаніе истины способствуетъ искорененію заблужденій. Ежедневно предъ нами предстаютъ факты, что истина среди простаго народа легко

*) Кіевск. еп. вѣд. 1879 г. № 33.

уживается съ самыми грубыми заблужденіями, а иногда даже превратно толкуется для ихъ подтвержденія. Отсюда очевидно, что вниманіе священника главнымъ образомъ и прежде всего должно быть обращено на изученіе отрицательной стороны народной жизни. Борьбой съ ними должна начаться его просвѣтительная дѣятельность въ приходѣ. А такъ какъ священникъ есть прежде всего служитель религіи, проповѣдникъ Божественной истины, то его вниманіе главнымъ образомъ должно быть обращено на религіозно-нравственную жизнь народа. Это необходимо также и потому, что эта сторона народной жизни, не смотря на свое важное значеніе и преимущество предъ прочими сторонами, находится на низкой степені развитія.

Самое поверхностное и случайное наблюденіе надъ проявленіями религіозно-нравственной жизни обнаружитъ, что нашъ простолюдинъ не знаетъ основныхъ истинъ христіанства, не имѣетъ истинныхъ религіозныхъ убѣжденій. Вотъ, какъ характеризуетъ религіозно-нравственное состояніе народа глубокой знатокъ народной жизни. „Масса народа, погруженная въ мелкіе обыденные расчеты, коснется въ такомъ прадѣдовскомъ невѣжествѣ, что во многихъ отношеніяхъ можетъ назваться скорѣе языческою, чѣмъ христіанскою; религіозные предметы являются у простолюдина съ примѣсю самыхъ чудовищныхъ представленій. Не трудно встрѣтить такихъ, которые даже не имѣютъ яснаго понятія о единствѣ Божіемъ, считаютъ особымъ богомъ каждое изображеніе, видѣнное на иконахъ въ храмѣ. Многіе не знаютъ самыхъ употребительныхъ молитвъ, коверкаютъ ихъ безъ милосердія или сочиняютъ свои чрезвычайно безобразныя: такъ, напримѣръ, извѣстную пасхальную иѣснь малороссъ переверкалъ такъ: Христосъ воскресъ сей изъ мертвыхъ смертвю смертвопра (!) и сусиѣ вгоробей (??) животь дарова. А вотъ молитва, которую про себя читаетъ малороссъ, когда діаконъ возглашаетъ „двери, двери“. „Шарни мене, господи, по души, и по тѣлу, и по всѣхъ моихъ кисточкахъ, и по всѣй мой родни. Хрестъ на мени, хрестъ на голови, хрестъ на грудяхъ, хрестъ на спинѣ, хрестъ на рукахъ, хрестъ на ногахъ, весь я въ хрестахъ, якъ вивця (по другому варианту—свиня) въ ршляхахъ. Такихъ простонародныхъ молитвъ множество“ *). Представленіе о Богѣ, составляющее сущность религіознаго знанія, въ сознаніи народа смутное и неясное. Попросите перваго встрѣчнаго крестьянина дать понятіе о Богѣ, онъ затруднится и ничего не скажетъ. По большей же части это представленіе носитъ въ себѣ слѣды свойственнаго неразвитости и младенческой простотѣ антропоморфизма, по которому Богъ представляется челоѣкообразно: Ему приписываются всѣ челоѣческія свойства и дѣйствія, даже внѣшній видъ челоѣвка. Всесовершенство и всемогущество Бога въ сознаніи народа ограничено властію діавола, который обладаетъ такою силою, что можетъ противиться Богу. Подтверженіемъ этихъ мыслей можетъ служить повсемѣстное объясненіе народомъ физическаго явленія грома. По представленію народному, Богъ, ненавидя діавола, вступаетъ съ нимъ въ борьбу съ намѣреніемъ умертвить его и разрушить всѣ козни діавольскія. Діаволь чувствуетъ свое безсиліе и потому обращается въ бѣгство. Богъ садится на золотую колесницу и по небу—видимому небесному своду—преслѣдуетъ убѣгающаго отъ него діавола, наконецъ догоняетъ и выстрѣломъ изъ пушки убиваетъ его. Золотую колесницу народъ видитъ въ блескѣ молніи, а преслѣдованіе Богомъ діавола на золотой

*) Вѣстн. Евр. 1881 г. Январь, стр. 404.

колесницѣ—въ грохотѣ грома, который бываетъ слышенъ прежде полнаго разраженія электричества. Выстрѣлъ Бога изъ пушки бываетъ во время удара молніи. Послѣ этого крестьянинъ обыкновенно полагаетъ на себѣ крестное знаменіе, прославляя величіе Бога, погубившаго діавола, со смертію котораго уменьшается власть зла въ мірѣ. Иногда діаволъ, убѣгая отъ смерти, съ неба слетаетъ на землю, прикрываясь отъ выстрѣла человѣкомъ; почему Богъ, не понавши въ діавола, иногда убиваетъ чаловѣка.

Въ такомъ же чувственномъ видѣ представляются народомъ и другіе предметы религіознаго вѣдѣнія. Предназначательную блаженную жизнь праведниковъ народъ представляетъ въ видѣ чувственномъ: святые имѣютъ тѣже чувственные потребности, заботы и огорченія, какія свойственны людямъ, живущимъ на землѣ. Смѣшно даже слышать отъ простолюдина такое объясненіе явленія града: святые, занимаясь хозяйствомъ, носѣли горохъ, свезли его на гумно и начали молотить; этотъ горохъ чрезъ щели, находящіяся въ небѣ, падаетъ на землю въ видѣ града. Много существуетъ и другихъ, подобныхъ приведеннымъ, суевѣрныхъ взглядовъ народа на религіозные предметы. Народъ вѣритъ, что діаволъ вмѣстѣ съ своимъ семействомъ и имуществомъ постоянно живетъ въ болотѣ между тростникомъ; но боясь оскверненія воды на Богоявленіе (6 января), наканунѣ этого праздника перевозить свое семейство и имущество куда-нибудь на сушу, почему крестьянинъ, противодѣйствуя діаволу, въ навечеріе Богоявленія переворачиваетъ свои телеги вверхъ колесами, сопровождая это особенными заклинаніями, мѣшающими, по его мнѣнію, діаволу воспользоваться этими предметами для перевозки своего имущества. Послѣ смерти чаловѣка будетъ продолжаться чувственная жизнь, полная удовольствій и наслажденій и чуждая недостатковъ въ чувственныхъ благахъ, ибо въ раю на деревьяхъ растутъ самыя лучшія кушанья, которыя, по желанію каждаго, безъ непосредственнаго дѣйствія съ его стороны, сами падаютъ ему въ ротъ. Доказательствомъ чувственного взгляда простолюдина на загробную жизнь служатъ замѣчаемые въ настоящее время погребальныя обычаи. Дѣти и всѣ лица, не вступавшія въ бракъ, для погребенія наряжаются въ брачную одежду. Приготавливаютъ даже такъ называемый коровай (свадебный куличъ), который несутъ на кладбище на крышѣ гроба и по окончаніи погребенія раздѣляютъ дѣтямъ. Бывшихъ въ бракѣ опоясываютъ красными поясами и съ праваго боку привязываютъ имъ платки. Для того, чтобы они снова не вступили въ бракъ, имъ крѣпко накрѣпко завязываютъ воротники въ рубахахъ, тогда какъ у не вступавшихъ въ бракъ это вовсе не дѣлается. Беременной женщинѣ ложатъ въ гробъ чистую рубаху, пеленки и повивачъ „для удовлетворенія ея нуждъ послѣ родовъ“. Повитуха послѣ смерти „по прежнему будетъ помогать родильницамъ; для этого ей привязываютъ спереди платокъ, чтобъ было чѣмъ отирать мокрыя руки“ *). Если осмотрѣть гробъ предъ выносомъ покойника изъ дома, то подъ изголовьемъ можно найти водку и табакъ съ принадлежностями трубочурства, а также любимое кушанье покойника. Родичи слишкомъ заботятся о томъ, чтобы покойникъ не нуждался на томъ свѣтѣ въ самой любимѣйшей его провизіи. Даже въ причитаніяхъ надъ покойникомъ слишкомъ проглядываетъ чувственный взглядъ на загробную жизнь.

Наряду съ антропоморфизмомъ господствуетъ въ народѣ грубый фетишизмъ, при разсмотрѣніи котораго невольно

приходишь къ убѣжденію, что онъ есть достояніе эпохи древней, языческой. По народному воззрѣнію, каждый домъ, дерево, гора имѣютъ своего духа—владѣтеля. Въ домѣ господствуетъ домовая, въ лѣсу—лѣшій, въ водѣ—водяной съ русалками. Всѣмъ этимъ существамъ, вмѣстѣ съ атрибутами духовными, приписываются свойства существъ вещественныхъ. Это странная смѣсь духа съ матеріей, невещественнаго съ матеріальнымъ. Даже самыя болѣзни, особенно эпидемическія, воплощаются народомъ въ образы какихъ-то фантастическихъ существъ. Сюда принадлежитъ и смерть—существо духовное, но съ костями. Существуютъ даже способности отгонять смерть и запираютъ ее. Можно было бы привести безчисленное множество подобнаго рода суевѣрныхъ взглядовъ, обнимающихъ всю жизнь чаловѣка—отъ его рожденія до смерти; но и указанныхъ достаточно, чтобы видѣть, что религія христіанская, религія духа и истины потемнена и искажена въ устахъ народа различными чувственными и чаловѣкообразными представленіями на столько, что потеряла свой первоначальный дѣйствительный смыслъ. Замѣчательно, что многія изъ указанныхъ суевѣрій весьма живучи и держатся теперь въ средѣ народа почти въ такомъ же видѣ, въ какомъ встрѣчаемъ ихъ во времена пр. Феодосія, не говоря уже о временахъ болѣе близкихъ къ намъ. „Народъ всегда сознаетъ силу христіанства, говоритъ одинъ изслѣдователь народной жизни, и при этомъ сознаниі онъ явился тѣмъ, чѣмъ былъ почти во все время исторической жизни, т. е. полнымъ суевѣрныхъ предрассудковъ, въ которыхъ истина перемѣшана была съ ложью. На ряду съ церковными молитвами суевѣрная мысль народа придумывала свои собственные заговоры противъ нечистой силы; на ряду съ святыми, признанными церковію она измышляла своихъ святыхъ, къ которымъ слѣдовало обращаться съ мольбою, объ избавленіи отъ діавольскаго навожденія. Наконецъ остатки языческихъ вѣрованій въ жизни русскаго общества не менѣе наглядно выдвигаются въ различныхъ празднествахъ въ честь солнца, земли и разныхъ силъ природы, такъ и въ обрядахъ, которыми сопровождалась эти празднества“ *).

Одна эта живучесть народныхъ суевѣрій и предрассудковъ показываетъ трудность борьбы съ ними.

Намѣченные недостатки религіознаго развитія народа наглядно указываютъ на главную и существенную обязанность священника научить народъ правильно вѣровать въ Бога и истинно относиться къ Нему, какъ существу Высочайшему. До сихъ поръ народъ не знаетъ, какъ онъ долженъ вѣровать и во что долженъ вѣровать, а что отрицать. А между тѣмъ истинное понятіе о предметахъ религіознаго вѣдѣнія, вообще существенно необходимое для каждаго чаловѣка, въ особенности необходимо для нашего народа какъ для того, чтобы искоренить изъ сознания народа чаловѣкообразныя и чувственные представленія религіозныхъ лицъ и предметовъ, такъ и для составленія народомъ истинныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ основательныхъ и твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, чтобы народъ могъ съ успѣхомъ противиться вліянію неправославныхъ и иновѣрцевъ.

Какія же средства могутъ способствовать священнику въ достиженіи этой цѣли? Средствъ много и самое видное

*) Остатки языческихъ вѣрованій въ жизни русскаго общества XVII в. Странникъ 1877 г. Считаю не лишнимъ замѣтить, что по богатству историческихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ многія данныя для опредѣленія міросозерцанія русскаго чаловѣка XVII, а отчасти и настоящаго вѣка, эта статья занимаетъ видное мѣсто въ ряду статей, помѣщаемыхъ въ Странникѣ, и имѣетъ полное право на вниманіе сельскаго пастыря.

*) Кіевск. еп. вѣд. № 38, 1880 г.

мѣсто между ними до настоящаго времени принадлежить поученіямъ. Господствующее мнѣніе таково, что священникъ можетъ уничтожить въ народѣ религіозныя суевѣрія и предразсудки, если ревностно будетъ объяснять народу въ храмѣ религіозныя истины. Это мнѣніе, признанное безспорнымъ въ теоріи, многіе старались осуществить на практикѣ, результатомъ чего явилось въ печати множество поученій, нѣкоторыхъ цѣлю раскрыть его заблужденія. Изъ множества такихъ сборниковъ мы можемъ указать на изданныя въ недавнее время поученія священника Самарской епархіи Геркулова „О суевѣріяхъ и предразсудкахъ простого народа“. Предварительно ряда поученій о Геркуловъ собралъ данныя о суевѣріяхъ въ приходѣ и въ двухъ бесѣдахъ выяснилъ прихожанамъ всю ихъ пагубу для вѣры православной, а въ заключеніе прочиталъ по требнику и объяснилъ правила церкви о чарованіи, прорицаніи и волхвованіи. Можно также указать на „Почуенія простому народу“ свящ. Архангельскаго, которыя почти все посвящены обличенію существующихъ въ простомъ народѣ суевѣрій и предразсудковъ. Эти поученія по содержанию вполне приспособлены къ складу простонародныхъ понятій, а по изложенію вполне отвѣчаютъ требованію общепонятности. Равнымъ образомъ и въ другихъ епархіяхъ обращаютъ серьезное вниманіе на народныя суевѣрія и на борьбу съ ними посредствомъ проповѣдей.

(Продолженіе впереди).

— Къ польскому вопросу *). Въ настоящее время въ варшавскомъ университетѣ разыгрывается не важный, но характерный эпизодъ. Поляки нѣсколько лѣтъ добивались, чтобы въ варшавскомъ университетѣ была учреждена кафедра исторіи польской литературы. По этому поводу было много разговоровъ, совѣщаній и обсужденій въ Варшавѣ и Петербургѣ, наконецъ, желанія поляковъ уважили и кафедру разрѣшили. Дѣло остановилось за преподавателемъ, но и такой скоро нашелся: избранъ и утвержденъ преподавателемъ г. Хмелевскій. За всѣми перенетіями этого вопроса весьма внимательно слѣдила польская печать, а нѣкоторыми органами русской печати учрежденіе этой кафедры было объявлено, какъ начало новой политики сближенія и примиренія съ поляками, за что, дескать, поляки будутъ очень благодарны правительству. Параллельно съ этимъ была принята и другая мѣра—увеличеніе числа уроковъ польскаго языка въ гимназіяхъ. Казалось, что разъ кафедра разрѣшена и найденъ профессоръ, то остановокъ болѣе не имѣется: садись и читай. Но вышло далеко не такъ. Когда устранены были эти препятствія, явились неожиданно новыя. Прежде всего пошли разговоры о томъ, какой титулъ будетъ предоставленъ г. Хмелевскому. Такъ какъ онъ не имѣетъ высшихъ ученыхъ степеней, то не могъ быть ни ординарнымъ, ни экстраординарнымъ профессоромъ, а на доцентуру

или привать-доцентуру, дескать, не согласится. Не знаемъ, чѣмъ окончились эти разговоры, но понятно, что они были совершенно праздные, такъ какъ нельзя же для г. Хмелевскаго измѣнять университетскій уставъ.

Затѣмъ появился рядъ корреспонденцій, гласившихъ, что, дескать, высшее правительство разрѣшило кафедру, но мѣстная учебная администрація дѣлаетъ придирки и не утверждаетъ программы. Оказалось, что придирокъ никакихъ не было, но г. Хмелевскій поставилъ условіе, чтобы ему было разрѣшено читать свой предметъ на польскомъ языкѣ, а это первоначально вовсе не входило въ планъ. На дняхъ пріѣхалъ въ Петербургъ варшавскій генералъ-губернаторъ и его пріѣздъ, какъ мы узнаемъ изъ „Страны“, находится въ связи съ вопросомъ о допущеніи преподаванія „польскихъ предметовъ“ на польскомъ языкѣ въ варшавскомъ университетѣ и гимназіяхъ царства Польскаго. „Страна“, чисто польское направленіе которой хорошо извѣстно, ставитъ такой ультиматумъ:

„Невозможно сомнѣваться, что если въ варшавскомъ университетѣ исторію польской литературы стали бы читать по русски, то это не только представило бы совершенно излишнее оскорбленіе поляковъ, но и русскому обществу показалось бы дико. Лучше вовсе не читать исторію польской литературы въ Польшѣ, чѣмъ читать ее не на польскомъ языкѣ“.

Почему газета усмотрѣла оскорбленіе поляковъ въ чтеніи учебнаго предмета на русскомъ языкѣ въ русскомъ университетѣ, почему русскому обществу показалось бы „дико“ чтеніе на этомъ языкѣ исторіи польской литературы, если на немъ читается исторія французской, нѣмецкой и иныхъ литературъ, все это весьма мало понятно. Но газета поясняетъ, что это необходимо для того, чтобы произвести на поляковъ хорошее впечатлѣніе. Съ этой же цѣлью нужно разрѣшить преподаваніе на томъ же языкѣ и другихъ предметовъ:

„Довольно странно, рассуждаетъ „Страна“, преподаваніе польскаго языка и католическаго вѣроученія въ гимназіяхъ царства Польскаго на языкѣ русскомъ. Недавно правительство предоставило новыя средства на усиленіе преподаванія польскаго языка въ гимназіяхъ привислянскихъ губерній. Но легко понять, что это мѣра не произведетъ на поляковъ никакого благоприятнаго впечатлѣнія, если ихъ дѣтей будутъ заставлять учиться языку болѣе знакомому на языкѣ менѣе знакомомъ, что уже само по себѣ не особенно остроумно“.

Далѣе идутъ такія рассужденія:

„Говорятъ—надо строго провѣсть принципъ—въ государственныхъ школахъ преподаваніе должно происходить на языкѣ государственномъ, не смотря на этнографическія условія. Почему „должно“—это еще никѣмъ не доказано.“

Но главный пунктъ вопроса вотъ въ чемъ: почему, когда преподаваніе всѣхъ научныхъ предметовъ и русскаго языка ведется на языкѣ государственномъ, нельзя допустить въ Польшѣ исключенія для такихъ двухъ предметовъ, какъ польскій языкъ и польское, латинское вѣроученіе?

*) Перепечатаемъ изъ лучшей и солиднѣйшей провинціальной газеты „Кіевлянинъ“ настоящую статью по польскому вопросу. Несмотря на то, что она не чужда полемическаго характера, мы рѣшились познакомить съ нею нашихъ читателей въ виду того, что въ ней проводится правильный и прямой взглядъ на русско-польскія отношенія и на притязанія поляковъ въ существенный вредъ Россіи. Нашимъ читателямъ, въ виду возбужденныхъ мечтаній нѣкоторой части нашихъ сосѣдей польскаго происхожденія, нужно ясно понимать этотъ вопросъ, чтобы, при обычныхъ сношеніяхъ съ именуемыми себя поляками и при извѣстной нерѣдко крайне развязной и смѣлой—далеко чуждой завѣту исторіи—постановкѣ ими польско-русскаго вопроса,—умѣть спокойно, но твердо разсѣвать тотъ напускной туманъ, въ который облекаются ихъ измышленія.

По поводу этихъ рассужденій отмѣтимъ мимоходомъ оригинальную черту: когда послѣ 1863 г. правительство, ради политической безопасности, принимало нѣкоторыя мѣры относительно католическаго духовенства, поляки и ихъ защитники увѣрили, что это есть проявленіе средневѣковаго фанатизма, преслѣдованіе католическаго вѣроисповѣданія, какъ религіи, потому что, дескать, религія сама по себѣ, а политика сама по себѣ; въ настоящее же время, когда

зашла рѣчь о преподаваніи католическаго вѣроученія, тѣже защитники поляковъ называютъ это вѣроисповѣданіе „польскимъ“ и ставятъ въ тѣснѣйшую связь съ національнымъ польскимъ вопросомъ, хотя на это можно сказать, что католическое вѣроисповѣданіе настолько же польское, насколько итальянское, французское и проч. Тѣ-же самые польскіе либералы „Страны“, да и прочіе наши либералы, по отношеніи къ православному вѣроисповѣданію самымъ усерднымъ образомъ разрабатываютъ теорію объ отдѣленіи церкви отъ государства, объ отдѣленіи государственно-національнаго вопроса отъ вѣроисповѣданнаго, но лишь только дѣло коснется поляковъ, фронтъ сразу перемѣняется и католическому вѣроисповѣданію требуются права и прерогативы, какъ вѣроисповѣданію *національному польскому!* Намъ хорошо извѣстна эта двусторонняя логика. Благодаря ей, если зайдетъ рѣчь объ расколѣ или протестантской и католической пропагандѣ среди православныхъ, всѣ наши либералы единогласно провозглашаютъ принципъ *laissez faire* и полную религиозную свободу, но еслибы въ царствѣ Польскомъ образовалось миссіонерское учрежденіе (говоримъ для примѣра) съ цѣлью распространенія православія среди католиковъ, тѣже либералы вмѣстѣ съ поляками подняли бы крикъ, принялись бы доказывать, что такая пропаганда есть оскорбленіе національныхъ чувствъ поляковъ и не задумались бы потребовать репрессивныхъ мѣръ противъ миссіонеровъ. Это не голословное увѣреніе, а выводъ изъ фактовъ. Стоитъ лишь вспомнить, съ какимъ безпристрастіемъ вела себя русская либеральная пресса по отношенію къ злосчастному уніатскому дѣлу, повторяя всѣ несправедливости и обвиненія, измышленныя „Часомъ“ и другими клерикальными органами.

Поставивъ вопросъ сомнѣнія, почему „должно“ вести преподаваніе не только польскаго языка, но *всѣхъ* вообще предметовъ въ учебныхъ заведеніяхъ въ *Польшѣ* на русскомъ языкѣ и отвѣтивъ на этотъ вопросъ отрицательно, въ томъ смыслѣ, что не должно, „Страна“ продолжаетъ:

„Если мы требуемъ отъ поляковъ примиренія съ идеей государственнаго единства, то мы не должны посягать (?) на основныя условія (?) ихъ національности. Если мы вводимъ преподаваніе польскаго языка въ гимназіяхъ польскихъ губерній, въ видѣ исключенія, въ соображеніяхъ мѣстной потребности, то странно тутъ же отрицать (?) эту потребность, заставляя поляковъ учиться польскому языку порусски“.

Слѣдуя здравой логикѣ, можно бы придти къ совершенно противоположному заключенію: если поляки желаютъ примиренія съ идеей государственнаго единства, то отъ нихъ, какъ русскихъ подданныхъ, какъ гражданъ Россіи, можно и должно требовать основательнаго изученія государственнаго языка, а такъ какъ ихъ національный языкъ господствуетъ и въ семьѣ, и въ общественной жизни, и въ мѣстной печати, то единственнымъ средствомъ для этого оказывается изученіе русскаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ. Основательнаго же знанія русскаго языка нельзя достигнуть иначе, какъ сдѣлавъ его языкомъ преподаванія для всѣхъ предметовъ, причемъ преподаваніе и польскаго языка на языкѣ русскомъ способствовало бы этой цѣли, нисколько не затрудняя изученія языка польскаго.

Но „Страна“, конечно, этой логики не признаетъ, а рекомендуетъ слѣдующій принципъ:

„Въ этихъ отношеніяхъ (т. е. въ отношеніяхъ къ полякамъ) мыслимо только одно рациональное начало: полное государственное единство русской имперіи, съ уваженіемъ къ языку и вѣрѣ другихъ національностей. Иначе, посягая на

самыя первичныя основы другихъ національностей, мы должны свыкнуться съ мыслью, что будемъ держать ихъ только подъ игомъ силы, а не въ примиреніи, въ добровольномъ союзѣ съ нами“.

Конечно, фразы объ уваженіи первичныхъ основъ „другихъ національностей“ звучатъ очень либерально, но, къ сожалѣнію, понятіе это до крайности растяжимо. Что такое первичныя основы національности и гдѣ ихъ предѣлы? Сегодня эти первичныя основы—преподаваніе на польскомъ языкѣ исторіи литературы, католическаго вѣроученія и польскаго языка, завтра—преподаваніе на томъ же языкѣ всѣхъ предметовъ, послѣ завтра—допущеніе польскаго языка въ гимназіяхъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края, далѣе—широкая политическая автономія Польши въ предѣлахъ хотя бы „конгрессовки“, еще далѣе—присоединеніе къ этому польскому ядру западно-русскихъ окраинъ, съ преобладающимъ культурнымъ польскимъ элементомъ и польскимъ землевладѣніемъ и проч. и проч. Тутъ нѣтъ и не можетъ быть предѣловъ, если мы примемъ за основаніе не принципъ общегосударственныхъ пользы и нужды и политической безопасности Россіи, а принципъ удовлетворенія желаній поляковъ, съ цѣлью „примиренія ихъ съ идеей государственнаго единства“ и „добровольнаго союза съ нами“. Поляки не могутъ примириться съ нѣкоторыми уступками, а будутъ желать все большаго и большаго (*l'appetit vient en mangeant*), пока не дойдутъ до конца; конецъ же національныхъ стремленій народа, жившаго въ прошломъ самостоятельной политической жизнью, имѣвшаго свою политическую исторію—есть полная политическая самостоятельность и независимость. Это, если хотите, вполне естественно, это подтверждаетъ вся исторія Польши отъ раздѣловъ и до нынѣшнихъ дней. Удовлетворило ли поляковъ Герцогство Варшавское, удовлетворили ли ихъ всѣ уступки передъ 1863 г.? Конечно, нѣтъ, да иначе и быть не могло. Говорятъ, что въ настоящее время поляки измѣнились и отказались отъ прежнихъ стремленій. Это и правда, и неправда: они измѣнились въ томъ отношеніи, что меньше вѣрятъ въ успѣхъ вооруженныхъ возстаній и ждуть рѣшенія польскаго вопроса инымъ путемъ, подготавливая тѣмъ временемъ почву для будущаго національнаго возрожденія, какъ говорятъ они, и укрѣпляя свои силы матеріальныя и моральныя. Но совершенная неправда, будто поляки отказались отъ надежды на возстановленіе Польши, какъ политической единицы. Эта надежда и въ настоящее время живетъ съ прежней силой, а при существованіи ея самыя широкія уступки не могутъ успокоить національнаго польскаго чувства и вызвать только дальнѣйшія требованія съ ихъ стороны. Въ настоящее время поляки въ Австріи получили не только полную равноправность, но огромныя привилегіи сравнительно съ нѣкоторыми другими народностями, но развѣ они удовлетворились ими? Ни малѣйшимъ образомъ: укрѣпивъ свое положеніе и занявъ господствующую роль, они усердно занялись ополчиваніемъ галицко-русскаго населенія, не останавливаясь для этого даже передъ грубыми насиліями и преслѣдованіями.

На дняхъ г. Даневскій защищалъ въ кievскомъ университетѣ диссертацию, въ которой доказывалъ, что каждая національность стремится достигнуть исцодовольной полной самостоятельности, переходя со ступеньки на ступеньку отъ національныхъ учрежденій къ политической автономіи, затѣмъ, при извѣстныхъ условіяхъ, къ дефеации или политической независимости. Эти соображенія, конечно, вполне примѣнимы къ полякамъ, составляющимъ національность въ полномъ

смыслъ слова, и, конечно, поляки не могутъ удовольствоваться, въ силу своего прошлаго, ни автономіей, ни такой федераціей, въ которой они будутъ играть не главную, а подчиненную роль. Если мы видимъ, что quasi—національныя политическія стремленія стараются привить даже къ малороссамъ, представляющимъ плоть отъ плоти и кость отъ кости русскаго народа, пользующимся полной равноправностью во всѣхъ отношеніяхъ, не имѣющимъ почвы для такихъ стремленій ни въ прошломъ, ни въ настоящемъ, то что же сказать о полякахъ?

Мы не склонны строго судить поляковъ за ихъ вѣрванія и надежды, какъ не осуждаемъ евреевъ за то, что они вѣрують въ пришествіе Мессіи, но мы смотримъ на вопросъ съ русской точки зрѣнія. Политическіе интересы Россіи не могутъ быть защищены пріобрѣтеніемъ благорасположенія поляковъ путемъ уступокъ и исключеній въ ихъ пользу, потому что, какъ мы сказали, то, что удовлетворяетъ сегодня, не удовлетворитъ поляковъ завтра и никогда ихъ благорасположенія, въ политическомъ смыслѣ, мы не заслужимъ и „добровольнаго союза“ не пріобрѣтемъ. На этотъ счетъ нечего обманываться: такова сила вѣковой исторіи и народнаго духа, и только очень близорукіе политики могутъ не считаться съ исторіей и вѣковыми національными стремленіями. Быть можетъ, нѣкоторые поляки искренно вѣрують, что, получивъ то или иное право, они успокоятся и не будутъ желать большаго, но, конечно, это только самообманъ. Даже Антошъ В. или Станиславъ С., дающіи подобныя увѣренія, нисколько не успокоятся, какъ не успокоится молодой крестьянинъ, мечтающій, что онъ будетъ вполне счастливъ и не пожелаетъ большаго, когда зарабатываетъ первую тысячу рублей. За первую тысячу онъ пожелаетъ получить вторую, потомъ третью и т. д. Точно также и здѣсь. А можетъ ли удовлетворить уже пріобрѣтенное право будущія поколѣнія?

Но помимо этого, польскій вопросъ, какъ извѣстно, представляетъ огромныя трудности еще и потому, что онъ не ограничивается этнографической Польшей, съ преобладающимъ польскимъ населеніемъ, а приходится считаться съ Польшей исторической т. е. съ Польшей въ русскихъ областяхъ. Вслѣдствіе этого даже полная самостоятельность этнографической Польши была бы не окончательнымъ рѣшеніемъ польскаго вопроса, а лишь началомъ новыхъ затрудненій.

Какая же можетъ быть при такихъ условіяхъ исходная точка русской политики по польскому вопросу? Очевидно, не туманная идея политическаго примиренія, рекомендуемая путемъ уступокъ и привилегій полякамъ заслужить ихъ преданность, создать довольство ихъ своимъ положеніемъ и добровольный союзъ, а только ясная и отчетливая идея объединенія польскихъ областей съ остальными частями Имперіи посредствомъ общихъ законовъ, учреждений и гражданской и политической равноправности. Бывшая Польша составляетъ теперь часть Россійской Имперіи, а поляки—русскіе граждане. Въ качествѣ таковыхъ они имѣютъ право на полную равноправность съ остальными гражданами, но ни одной іоты болѣе. Общіе законы, общій государственный языкъ, общія учрежденія въ полномъ объемѣ—вотъ все, что можетъ и должно быть имъ дано, какъ только правительство придетъ къ убѣжденію, что время исключительныхъ

мѣръ, вызванныхъ охраною политической безопасности, прошло. При такой постановкѣ вопроса не представится ни сомнѣній, ни колебаній; государственная политика по польскому вопросу пріобрѣтаетъ твердость и ясность для обѣихъ сторонъ. Но разъ сойдя съ этой почвы на скользкій путь политики со ступеньки на ступеньку, на путь уступокъ національнымъ стремленіямъ и созданія автономныхъ учреждений, мы будемъ увлечены роковою силою вещей по наклонной плоскости и придемъ или къ вынужденному, хотя бы и мирному отдѣленію Царства Польскаго, что едва-ли вѣроятно, или къ новому 31 и 63 году. Самыя лучшія намѣренія и благоположенія будутъ сломенны и унесены вихремъ политическихъ страстей, какъ унесены были планы маркиза Велепольскаго и подавшагося имъ тогда русскаго правительства.

Но какъ же скажутъ намъ быть съ національными польскими особенностями? Это, отвѣтимъ мы, домашнее и семейное дѣло поляковъ, до котораго правительству нѣтъ дѣла. Польскій языкъ, литература, искусство, обычаи, костюмы и т. п., насколько они не соприкасаются съ государственными учрежденіями, должны пользоваться такими же правами, какими пользуются всякіе иные обычаи и нравы, но не болѣе того. Въ государственныхъ же учрежденіяхъ не должно быть поляка, а долженъ быть только русскій подданный и русскій гражданинъ, имѣющій общія права и обязанности со всѣми остальными гражданами.

Мы знаемъ, что у насъ существуетъ значительная партія, стремящаяся создать такъ называемую федеративную политику, рекомендуемая автономію различныхъ областей Россіи и указывающая какъ на образецъ на Австрію. Но не говоря уже о томъ, что Австрія была *вынуждена* взяться за эту политику, еще вопросъ, какой результатъ дастъ эта политика имперіи Габсбурговъ и не окончится ли она полнымъ разложеніемъ государства? Для Россіи подобная политика была бы во всякомъ случаѣ началомъ конца и уничтожила бы не только дѣло Петра, Екатерины II, Александра I и Александра II, но пожалуй и дѣло царя Алексѣя Михайловича. Если уже указывать на образецъ, то для насъ поучительна не исторія Австріи, составленной изъ клочковъ двадцати народностей и вынужденной держаться политики уступокъ и компромиссовъ, хотя бы вредныхъ для цѣлости государства, но неизбѣжныхъ, а исторія Германіи. Господствующая русская народность достаточно сильна, чтобы справиться съ элементами, тянущими врозь, а потому предоставленіе этимъ элементамъ разныхъ автономій и привилегій, которыя неизбѣжно направятся противъ государства, было бы добровольнымъ самозакланіемъ.

Содержаніе № 23.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА. Высоч. манифестъ. Именные высоч. указы. МѢСТНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ. О лишеніи сана. МѢСТНЫЯ ИЗВѢСТІЯ. Вакансія. Некрологъ. НЕОФФИЦ. ОТДѢЛЪ. Хиротонія въ санъ епископа ковнскаго. Практическія задачи сельскаго сваяцъ. Къ польскому вопросу.

Предыдущій № данъ на почту 30-го Мая.

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ.